

**И.Т. Вепрева
(Екатеринбург)**

**«Я ненавижу это слово»,
или О конфликте между словом и человеком^{*}**

Когда лингвист задает себе вопрос, что происходит в современном русском языке, то общим местом в его ответе будет констатация факта о высокодинамическом развитии языка, об обусловленности языковых изменений экстралингвистической реальностью, а именно, демократическими преобразованиями в жизни российского общества. При этом у исследователей XXI века, отметит лингвист, есть уникальная возможность наблюдать фактуру быстротекущей жизни языка на основе данных языковых корпусов, позволяющих с невероятной долей достоверности описать эту динамику и особенности современного состояния языка.

Демократизация российского общества, кроме того, стала фактором «концептуальной, оценочной и языковой свободы» (Стернин 2000: 16). Она стимулировала усиление личностного начала, особенно в публичной речи (Земская 1996), утвердила коммуникативные права говорящего на открытое самовыражение, на «возможность подвергать индивидуально-субъективным оценкам любой предмет речи» (Матвеева 2000: 50). Инфантилизм сознания советского человека, порождавший «инфантилизм высказывания» (Капанадзе 1997: 48), сменился особой экспрессивностью публицистического текста.

Искуссительная вседозволенность, желание разрушить стереотипы, отвергнуть статику и созерцательность, желание шокировать провоцируют передачу жизненных фактов в их грубом приземленном проявлении, формируют образы, рожденные повседневно-обыденной практикой, обнажающей жизнь без прикрас с ее жесткими законами и острейшими конфликтами. Эпатаж и агрессивность газетного языка служат огрублению и упрощению языкового вкуса, происходит отступление от моральных и эстетических норм. Нарушение этичного коммуникативного стиля приводит к «унижению адресатов информацией», происходит «унижение языком в коммуникативном пространстве современной России» (Шаховский 2007: 31-32). Негативный энергетический потенциал современного публицистического текста отчасти формирует отрицательное отношение

^{*} Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, грант 07-04-90400 а/Б

коммуниканта к языку, мы наблюдаем, что слово становится предметом антипатии говорящего. Оценочная интерпретация языкового знака проявляется в феномене метаязыкового комментирования, обостренной рефлексии носителя языка (Вепрева 2005). Одной из ярких примет современного дискурса является широкая включенность в языковой контекст метаязыковых высказываний, которые комментируют, интерпретируют, оценивают употребление той или иной лексической единицы.

Цель нашего исследования — выяснить, какая лексика вызывает отрицательную реакцию современного говорящего, с какими словами носитель языка находится в конфликтных отношениях. Единицей исследования является метавысказывание, в котором говорящий крайне отрицательно оценивает употребляемую единицу. Операторами оценки в метакомментарии являются глаголы *ненавижу*, *терпеть не могу*, *не люблю* (слово), а также атрибутивные единицы при лексеме «слово»: *ужасное*, *мерзкое*, *отвратительное*, *жуткое* и др. Подобная сенсорно-вкусовая оценка является наиболее индивидуализированной, она «имеет статус неопровержимой субъективной истины» (Арутюнова 1988: 191), не требуя никаких мотивировок. Исследовательский материал был извлечен с помощью базы данных Интегрум. Выборка интересующих фрагментов текста с включенными метаоператорами проводилась за последний 2007 год. На данный период массив источников материала составляет свыше пяти тысяч различных русскоязычных СМИ.

Прежде всего, наш материал дает возможность выделить две группы метавысказываний с опорой на основание оценки. **В первой группе** основанием оценки оказывается предметно-логическое содержание слова. Слово ненавидят, если явление, им обозначенное, представляет собой угрозу для человека и способно вызвать у него состояние страха или тревоги. Поскольку современная журналистика акцентирует свое внимание на негативной информации, то таких контекстов достаточно много. Например, (1-9):

- (1) *Детская преступность, разврат, алкоголизм, наркомания, массовые аборты, суицид — эти ужасные слова стали уже привычны нашему слуху* (Православие.Ру, 17.01.2007 13:42);
- (2) *Кстати, девочка от нее и услышала впервые ужасное слово — наркоманка* (Кабардино-Балкарская правда (Нальчик), 26.05.2007, 155);
- (3) *Многие люди не любят слово «больница». Все очень просто: болеть не хочет никто* (Холмогорская жизнь, 21.09.2007, 38);

- (4) **Жуткое слово «перелет»** пугает даже самых отважных родителей (Московская правда, N25, 09.07.2007, 147);
- (5) **Я терпеть не могу слово «скандал».** Если кто-либо предпочел завоевать популярность таким образом, то это его личное дело», — сказала певица (Все новости Азербайджана, Армении и Грузии, 17.05.2007 23:59);
- (6) **Я не люблю слово «диктатор».** И не думаю, что Караяна можно назвать таковым. Он был требовательным дирижером, и для достижения тех великих результатов, к которым он шел, была необходима максимальная организация оркестра. Я не считаю это диктатурой. Это творческая требовательность (Итоги.Ру, 29.09.2007, 40);
- (7) **Кстати, до ужаса не люблю слова «диабетик»** и все производные, поэтому стараюсь использовать его как можно реже. Пустое, серое и старчески унылое. Застревает в горле, будто бы не могу его проглотить (ДиаНовости, 15.09.2007, 9 (132));
- (8) **Жуткое слово «радиоактивность»** — со дня Чернобыля минуло столько лет! (OLO.Ru, 20.02.2007);
- (9) **Маша Косарева из Галича** написала в своей работе: **Война — очень страшное, жуткое слово, олицетворяющее разлуку, боль, смерть** (Северная правда (Кострома), 09.05.2007, 050).

Говорящий в приведенных контекстах переносит на слово те чувства и настроения, которые данный предмет или явление называет: слово *больница* (3) не любят, потому что никто не любит болеть, слово *перелет* (4) жуткое, потому что говорящему жутко оставлять своих детей в воздухе на борту самолета, слово *война* (9) — страшное, так как явление, с ним связанное, негативно по своей сути и связано с болью, смертью и т.д.

Оценка слова, отражающая его восприятие говорящим, может быть достаточно индивидуальной, присущей только конкретному адресанту, поскольку связана с его мироощущением, событиями в его жизни, особым взглядом на жизнь, например (10-12):

- (10) **Не люблю слово «сделать».** У нас многие что-то слишком увлекаются прагматикой. А надо по-другому. Все начинается с духовного, с конструктивного отношения каждого человека и к самому себе, и к окружающим, с его желания совершить

что-то хорошее, в чем-то помочь людям (МК на Дону (Ростов-на-Дону), 07.11.2007, 045);

(11) *Так масками розыгрыши не ограничиваются — как-то я подсунул ему в бутсы настоящего рака! С тех пор Баффур ненавидит слово «рак»* (Советский спорт, 06.11.2007);

(12) *Вообще я не люблю слово «надо». Счастливый человек, на мой взгляд, — тот, которому все в кайф. Это положительный, веселый человек, который все, что ни делает, приносит духовное и материальное удовольствие* (Молодежь Якутии (Якутск), 23.01.2007, 2).

Во второй группе метавысказываний основанием оценки оказывается коммуникативная характеристика языкового знака. Рефлексивно-пристрастную помеченность получают лексемы, разноплановые по своей сути. Единственное, что объединяет их вместе, — негативное отношение носителя языка к этим словам. Дальнейшая классификация метатекстов, характеризующих данные лексические единицы, показывает, что причины отрицательной оценки слова лежат в русле общих проблем понимания и общения и являются вневременными либо отражают болевые точки современного состояния русского языка. Рефлексивное осмысление последних помогает диагностировать это состояние и сформулировать насущные проблемы языковой экологии. Обратимся к конкретной характеристике выделенных типов.

1. Негативное отношение к неточному употреблению слова

Понимание речи является продуктом нескольких когнитивных подсистем: помимо знаний, активную роль играют мнения, установки, эмоции, человеческие навыки. Оценки речи в аспекте точности употребления — это своеобразный консенсус производителя и получателя речи, позволяющий им взаимодействовать, и в этом видится своеобразная стихийная конвенциональность и субъективность нормы на уровне речи: что нормативно с точки зрения одного носителя языка, неуместно с точки зрения другого.

Данный тип рефлексивных высказываний представляет собой метаязыковое текстовое пространство сознательных поисков путей самовыражения, что подчеркивает, что спонтанное речепроизводство — «процесс гораздо более творческий, чем это обычно считается» (Чейф 2001: 30). Носитель языка, выступая в роли адресата, достаточно критично оценивает речь отправителя, обращая внимание на неточность в употреблении слов:

- (13) *По картинке и по языку «Изгнание» — абсолютно европейская продукция. Вы сознательно ориентировались на мирового зрителя? — Я не люблю слово «продукция». «Продукт» — это что-то, не имеющее отношения к искусству, творчеству, художественной образности. И никакой «ориентации» с моей стороны тоже не было. Я делал кино так, как считал нужным. Таким, каким, по-моему, оно должно быть (MassMedia News, 18.05.2007 13:12).*

Рефлексивные высказывания, возникающие в ситуации, связанной с выбором точного слова, включают обсуждение близких по семантике слов. Разграничение равнозначных слов связано не только с тем, что они выражают, но и с фактами несодержательного языкового варьирования, с различием индивидуально-вкусовым (14), социальным, территориальным (15), профессиональным (16-19) и т.д. Рефлексивные реплики содержат семантическую характеристику слова, актуализацию семной структуры слова, указывают на причины выбора иного слова (14-19):

- (14) *Кстати, Владимир Слуцкер не любит слово «терпимость» применительно к межнациональным отношениям, потому что это означает, что ты «терпишь» то, что тебе не нравится (Парламентская газета, 08.06.2007);*
- (15) *Терпеть не могу слово «дача». Что-то в нем барское, этакое безделье. И когда сосед, увидев меня, обвешанного сумками, интересуется: **На дачу** собрался? Раздраженно парирую: Да нет. В сад еду. Дача представляется чуть ли не Канарами — лежи себе в гамаке, прихлебывай пиво и радио слушай... А еду туда, где работы прорва, — там что-то перекопилось, емкость для воды течет, опрыскивать деревья пора... Какой тут уж к черту гамак и нега соответственно? (Военный вестник Юга России (Ростов-на-Дону), 30.04.2007, 018);*
- (16) *Есть более 200 видов вирусов, вызывающих респираторный синдром. Я вообще не люблю слова «грипп», потому что у нас часто происходит подмена понятий. Мы говорим: «**грипп и ОРВИ**». Первый — тоже острая респираторная инфекция, только одна из наиболее тяжело протекающих (Комсомольская правда в Украине (Киев), 30.10.2007);*
- (17) *Авиаторы не любят слово «последний». Предпочитают говорить и слышать «крайний» (Красная Звезда, 04.07.2007);*

- (18) *Наши самолеты не просто должны летать, а корабли **ходить** (моряки не любят слова «плавать»)* (Известия. Ру, 19.02.2007);
- (19) *Например, если вы сейчас возьмете справочник по разрешенным химическим и биологическим препаратам для применения в России (по контролю за численностью насекомых). / Иначе говоря, для борьбы с ними? / Мы, биологи, **не любим слово «борьба»**, — поморщился директор института. — Практически всех насекомых уничтожить невозможно. Да и борьба с ними сплошь и рядом приносит не пользу, а вред. Впрочем, как и другая борьба. В истории России борьба заканчивалась не раз плачевно* (Советская Сибирь (Новосибирск), 02.02.2007, 19).

Индивидуальная реакция на предмет порождает субъективное значение слова. Говорящий может вкладывать личностные смыслы в толкование слова. Разграничение авторского значения и того языкового, которое представлено в словарях, может не совпадать, поскольку психологическое значение носит индивидуальный характер. Объективное языковое значение отражает лишь наиболее устойчивую часть составляющих лексическое значение семантических признаков. Конфликт между значением, конвенционально закрепленным за определенным знаком в системе языка, и субъективным значением служит естественным объяснением того факта, что говорящий негативно оценивает то или иное слово. Происходит противопоставление личностного содержания слова его абстрактному языковому содержанию (20-24):

- (20) *Отреагировал Яншин бурно: **Терпеть не могу слова «болельщик»!** Я **любитель спорта**, поклонник общества «Спартак», а «болеть» оставляю итальянским тиффози. Меня занимает спортивная психология* (Невское время (Санкт-Петербург), 02.11.2007, 194);
- (21) *С этого года в театре начинает работать трехлетняя программа рождения спектаклей — я **не люблю слово «детских»**, правильнее сказать, **для семейного просмотра*** (Вечерний Петербург (Санкт-Петербург), 20.09.2007, 167);
- (22) *Михаил Златковский **не любит слово «карикатура»**, а определяет жанр своих работ как **«смысловая графика»*** (Казанские ведомости (Казань), 25.01.2007, 15-16);

- (23) *Я не люблю слово «публика», потому что публика ходит в театр коммерческий, в серьезный театр ходит народ* (Республика Татарстан (Казань), 02.06.2007);
- (24) *Еще вчера декоративно-прикладное искусство было в забвении. Я не люблю слово «промыслы» — произведения искусства выставлены в стенах Госдумы* (Парламентская газета, 25.01.2007).

2. Негативная эстетическая оценка слова

Нормативное оценивание словоупотребления зачастую связано с эстетической позицией говорящего, с понятием эстетического идеала, поскольку отклонение от нормы часто оценивается как некрасивое, а соответствие норме — как эстетически приемлемое, соответствующее представлению о хорошей речи. На первое место выступает такой субъективный фактор языковой нормы, как языковой вкус (целесообразность, мера). Он проявляется в ценностном отношении человека к тому или иному языковому факту, его уместности, в осторожном употреблении той или иной лексической единицы, в постоянном ощущении тонкости границ допустимого диапазона, в стремлении не выйти за пределы зоны эстетической целесообразности.

Эстетическая оценка может четко проявляться как показатель меры эмоциональной реакции на звуковой облик слова. Работы А.П. Журавлева показывают, что субъективное впечатление от звуков имеют объективную основу, проявляющуюся в общности языковых реакций на звуки-символы (Журавлев 1974). Содержание не безразлично к форме его передачи, она является способом его представления, поэтому форма оказывает значимое влияние на характер восприятия человеком языковой информации. В оценке выражается то впечатление, которое производит на говорящего звуковой комплекс слова, например (25-28):

- (25) *Аэропорт, который входит в десятку крупнейших в России, предстоит превратить в региональный хаб (хаб — это мощный пассажирский, грузовой и транспортный узел.) С появлением хабов (все-таки это ужасное слово, на русском звучит плохо!) растет известность городов* (Советская Сибирь (Новосибирск), 05.06.2007, 105-106);
- (26) *Говорят, сам Ельцин терпеть не мог слова «ваучер», даже запретил использовать его в своем присутствии. Употреблять следовало лишь более благозвучный для президентского уха синоним — «приватизационный чек»* (Красный Север (Салехард), 21.07.2007, 139);

- (27) *Было время, когда Александр Ибрагимов писал свободным стихом (он не любит слово «верлибр», как говорит в «Белом квадрате», оно произошло в результате кровосмешения верблюда и либерала* (Кузбасс, 25.05.2007, 91);
- (28) *И всё же, музыка Вагнера — не вагнерианство, как музыка Баха — не бахианство, а музыка Моцарта — не моцартианство... Какие жуткие слова, как уродливо их звучание!..* (Дуэль, 25.10.2007, 43).

Уродливость звучания данных слов объясняется разными причинами: окказиональной, эстетически неприемлемой внутренней формой (27), фонетически неудачным морфемным швом, объединяющим длинную суффиксальную часть, включающую скопление гласных, с короткой корневой основой (28), фоносемантической сочетаемостью звукокомплексов *хаб* и *ваучер* в (25, 26), создающей неприемлемое восприятие звукобукв (Прокофьева 1998: 331-333).

В основе эстетического переживания могут лежать индивидуальные ассоциации, вызываемые образом слова, который хранится в языковом сознании индивида, например (29-35):

- (29) *Я не люблю слово «авангардизм», для меня это что-то сродни военному* (РИА Новости-Поволжье, 11.04.2007 09:38);
- (30) *Кстати, я очень не люблю слово «тусовка», ибо оно имеет какой-то приблатнённый привкус* (Молодежь Дагестана (Махачкала), 07.09.2007, 035);
- (31) *От себя добавлю, что по воспоминаниям современников Анна Ахматова (а потом и Марина Цветаева) **ненавидели слово «поэтесса», считая синонимом пошлости.** Анна Ахматова именовала себя «поэт»* (Независимый литературный портал «Решето», 12.09.2007 17:59);
- (32) *Если честно, я всегда подчеркивал, что не люблю слово «**оппозиция**», оно как-то унизительно звучит, и тем более не считаю наших борцов за идею о создании гражданского общества — оппозиционерами* (Центр экстремальной журналистики, 30.01.2007);
- (33) *Однажды я тоже ляпнула: «красивое стихотворение», на что получила его протест: «Красивых или некрасивых стихов нет, есть плохие или хорошие». И еще — не люблю слово «**прекрасно**». Прекрасные женщины, прекрасные стихи... приторно, как*

неразбавленный сироп. Там русский дух. Там Русью пахнет (Вельск-инфо, 02.07.2007, 53);

- (34) *Я еще в предвыборную кампанию обещала им клуб для общения. Мы назвали его «Мечта». Сами ветераны сперва назвали его «Надежда», но я переубедила их, переориентировала на «Мечту» Почему? Вообще **не люблю слово «надежда»...** Оно звучит слабо, безынициативно. Причем связывается со словом «последняя» (Костромские ведомости (Кострома), 08.05.2007, 019);*
- (35) *И. Губерман: Я не люблю слова «ментальность». / К. Ларина: А чем Вы его заменяете? / И.Губерман: Оно происходит от слова «мент», неужели Вы этого не слышите? / К. Ларина: Чудо какое. А чем Вы его заменяете? Давайте по-русски скажем. / И. Губерман: Я его ничем не заменяю. / К. Ларина: Ну, как это? / И. Губерман: **Слово «духовность» еще хуже.** Моя покойная теща, Лидия Борисовна Лебединская, необыкновенный человек... Так вот она про слово «духовность», говорила: лучше я пять раз услышу слово «ж*па», чем один раз «духовность». А у нее был вкус на слова, на звучание (Стенограммы пресс-конференций радио «Эхо Москвы», 21.05.2007).*

Мы можем сказать, что эстетическая позиция говорящего проходит сквозным мериллом через все текстовое пространство, составляя оценочное приращение, которое трудно обособить и выделить в качестве отдельного, поскольку сознание всегда имеет нравственно-эстетическую природу, не исчерпываясь «абстрактно-рациональной целесообразностью предмета» (Петров-Стромский 2000: 158).

Следующие типы метаязыковые высказывания выступают как чуткие индикаторы когнитивных и языковых процессов, происходящих в современной России.

3. Негативная оценка прямых номинаций

В данном типе метавысказываний раскрывается осознание говорящим несоответствия имени называемому явлению. Речь идет об эвфемистических заменах. Условия общественной жизни могут накладывать запрет на употребление прямых наименований, употребление которых представляется говорящему неприличным, грубым или нетактичным в данной конкретной ситуации. Проблема коммуникативной толерантности лежит в русле вопросов, связанных с категорией вежливости, регулирующей отношения в цивилизованном обществе. Толерантность повседневного общения ориентирована на создание положительной эмоциональной

атмосферы. Для успешного взаимодействия коммуниканты используют целый набор тактик вежливости, следуют правилам коммуникативного поведения (Стернин 2003). Среди гармонизирующих тактик толерантного поведения одна из основных — употребление эвфемизмов.

Механизм эвфемистических замен состоит в поиске и актуализации лексических коррелятов, «смягченных» единиц, маскирующих суть явления по самым разным причинам. В литературе, посвященной этому вопросу, эвфемия получает многостороннее теоретическое осмысление (Ларин 1977; Виндлак 1967; Варбот 1979; Шмелев 1979; Крысин 1994, 1996; Шейгал 2000; Москвин 1999, 2001).

В то же время необходимо отметить, что эвфемизмы в силу смягченного наименования табуированных слов искажают или маскируют сущность обозначаемого объекта действительности. В эвфемизмах, особенно политической сферы, часто находит свое проявление ложь политической выгоды. Поэтому эзопов язык советской эпохи в силу своей информативной двуплановости (завышения имени по сравнению с понятием) приводил к искажению информации о денотате, скрывал остроту социальных проблем и воспринимался носителями языка характерным проявлением тоталитарной системы. Гласность 1980-х помогла открыть запретные темы, убрать советские эвфемизмы, перейти на политический и экономический язык, принятый во всем мире.

Общий взгляд на современную культурно-речевую ситуацию дает возможность увидеть, что стремление говорящего называть вещи своими именами привело к эффекту сильной экспрессивной подачи информации. Стремление газетных изданий говорить много и открыто о пугающе запретном создало в СМИ тональность тревожности и страха. Процесс детабуизации приводит к росту употребления пласта «запретной» лексики, включающей в свою семантику семы «опасности», «жестокости», «враждебности», которые несут в себе заряд агрессивности. Эту лексику мы назвали тревожной (Вепрева & Мустайоки 2006: 141-150), поскольку ее употребление вызывает у людей чувства тревоги, страха, ожидание опасности, приводит к подавленности и социальной пассивности.

Анализ метавысказываний данного типа показал, что говорящий осуждает употребление «слов-разоблачителей», связанных с традиционным сокрытием. Обычно в современных языках не принято говорить прямо о смерти (43, 44), тяжелой болезни (36-39), возрасте (41), интимных сторонах жизни (40), необходимо избегать напоминаний о тяжелых, неприятных вещах (42):

- (36) *Сегодня я впервые отважилась сказать прямо: господин доктор, я **глохну**. До сих пор я употребляла выражения вроде: я плохо слышу, у меня шум в ушах и т. п. В этот раз я решила произне-*

сти это **ужасное слово**, и доктор ответил мне резко и грубо, как хирург. *Итак, я никогда не вылечусь* (Топос, 15.09.2007);

- (37) Александр Жариков **терпеть не может слова «инвалид»** и не стесняется одергивать людей, когда они пытаются так его назвать (Первая Крымская, 22.06.2007, (179));
- (38) **Осталось только для колясочников (не люблю слово инвалид) подъездные пути сделать до остановок!** (Калининград, 01.11.2007, 062);
- (39) **Лечим любые психические расстройства, — успокаивает профессор. Бухановский не любит слово «маньяк».** В психиатрии «маниакальное состояние» — это состояние крайнего возбуждения, эйфории, повышенной деятельности. Это слово отпугивает психически больных людей. Они чувствуют себя еще большими изгоями (Московский комсомолец в Томске, 16.05.2007, 20);
- (40) **При всем при том резко обостряются чувства. Любовь становится мучительно напряженной, причем это касается всех ее сфер. Не люблю слова «секс» или словосочетания «половые отношения».** В русском языке нет эквивалента этим дурацким словам. *Любовь, и все тут* (Новый мир, 15.05.2007, 5)
- (41) **С интересом слушала рассказ самой пожилой (не люблю слово «старый») адыгейки о её прошлом, о незабываемых событиях и её жизни, и истории всей Адыгеи** (Майкопские новости (Майкоп), 21.04.2007, 086-088);
- (42) **Здесь не любят слов «неблагополучная семья».** *Здесь никогда не назовут неудачником человека, на которого неумолимая судьба обрушивает удар за ударом* (Люберецкая газета, 22.06.2007 НР: 23);
- (43) **Я заметила, вы не любите слово «смерть»,** называя это «**переходом**» (Новый Петербург (Санкт-Петербург), 05.04.2007, 15 (829));
- (44) **Ради забавы я ни одно животное не убил. Стоп, не люблю слово «убил».** **Не добыл** — так мы, охотники, говорим. *Все, что добываем, — съедаем. Не понимаю людей, которые охотятся ради забавы. Стреляют тысячами!* (Все новости Санкт-Петербурга (CitySpb.ru), 04.04.2007 06:28).

Кроме традиционно запретных слов, в список табуированной лексики попадают единицы нового времени, оскорбляющие прямым наименованием. Они позволяют выделить темы, которые тревожат сегодняшнего говорящего. Это могут быть темы, связанные с новыми военными конфликтами (45), с экономическими преобразованиями в стране (46) и с новыми типами отношений, возникших в постсоветской России (47-51):

- (45) *Наши миротворцы просто удерживают ситуацию в статусе-кво в зоне пока что неурегулированных конфликтов! (Я не люблю слово «замороженный» конфликт. Это — неурегулированные конфликты, слово «замороженный» оскорбляет как абхазцев, так и грузин, ведь это — человеческие трагедии, и применение силы в решении этих вопросов должно быть исключено! (ИА Новости-Грузия, 22.05.2007 12:45);*
- (46) *Один подчиненный министра мне как-то объяснял, почему Сергей Борисович так не любит слово «реформа». По его, Иванова, убеждению, слово это вызывает у человека военного депрессию и чувство тревоги. Как, скажем, у коров падают надои, если при них произносить слово «мясокомбинат». Тонкое наблюдение. Вот так, щадя психику офицеров, Иванов и радовал их разовыми подарками, не касаясь ржавых основ системы (Грани.Ру, 16.02.2007);*
- (47) *Адаптируем женский вариант отдыха: совместный **шопинг**. Он может быть приятным не только для женщины, но и для мужчины, если при нем не произносить это ужасное слово и назвать все происходящее, например, **воскресной прогулкой**. Вы просто прогуляетесь, а по ходу движения зайдете в пару магазинов (Курьер Карелии (Петрозаводск), 21.06.2007, 96);*
- (48) *Кто был вашим первым известным клиентом? — Не люблю слово «клиент», даже ставлю двойки студентам за это. У меня нет клиентов. Только **доверители**. Со многими мы стали друзьями. Никаких усилий для того, чтобы заключить договоры с известными людьми, я не предпринимал. Это как-то само собой вышло. Я практикую с 1991 года. И если говорить о вивдоверителях, то первым был Сергей Лисовский в 1996 году (знаменитое «дело о коробке из-под ксерокса», которую вынесли из Белого дома, набитую долларами) (Собеседник, 12.02.2007, 151);*
- (49) *Не люблю слово «конкуренты», предпочитаю говорить «коллеги по бизнесу», ведь в Санкт-Петербурге сформировался ци-*

виллизированный рынок продаж запасных частей, и уже нет борьбы, скорее взаимовыгодное сотрудничество (Бизнес сегодня (Санкт-Петербург), 01.10.2007);

(50) *Я не люблю слово «спонсор», — говорит Тамара Александровна. — У нас всегда были и есть хорошие и преданные друзья. Кто-то оплатит трехдневную экскурсию для наших воспитанников, кто-то поможет с ремонтом, кто-то — с подпиской на журналы и газеты. Мы благодарны за любую помощь. И очень ценим наших друзей, которые идут с нами по жизни уже много лет. Есть такая профессия помогать людям* (Вести (Санкт-Петербург), 09.03.2007, 046);

(51) *Алексей не любит слово «домохозяйка». Предпочитает словосочетание «домашний менеджер». Любовь к бизнес-терминологии не случайна, Алексей в прошлом предприниматель, владелец мебельного заводика в Сергиевом посаде* (ЦРПИ; Мониторинг телеэфира: Ren TV, 10.06.2007 19:00:00).

Острых и злободневных социальных проблем в современной России немало, что свидетельствует, что рост новых эвфемизмов неизбежен и, получается, необходим.

4. Негативная оценка идеологически окрашенной лексики

Наиболее активно оценочные акценты расставляются у номинации тех понятий, которые не принимаются современным говорящим. Главной приметой нашего времени, творческой стратегией пишущего / говорящего является глобальное недоверие к советскому прошлому (52-56):

(52) *В нашей Нижегородской области показали колхоз, полностью обновивший молочное стадо, оборудование фермы ныне соответствует европейским стандартам, компьютеры, корма, проверяемые аж по 29 параметрам. Живи — радуйся, крестьянин. Нынешние журналисты терпеть не могут слов «товарищ», «колхозник». Поэтому я колхозников назвал крестьянами, хотя ежу понятно: фермеру все это было бы не поднять, кишка тонка* (Советская Россия (Москва), 02.08.2007, 105);

(53) *Я не люблю слово «революция», потому что в этот термин вкладывается смысл крови, переворотов, потрясений* (Политическая жизнь Северо-Западного региона, 13.04.2007 18:21);

- (54) *Организаторы не любят слово «лагерь», предпочитают называть двухнедельное действо «форум»* (ТВ Центр, 17.07.2007 18:13);
- (55) *Насколько церковь в принципе нуждается в кинопропаганде? Я не люблю слово «пропаганда», тем более, когда это вонючее слово оказывается в связи с любимым мною православием* (Профиль, 08.04.2007, 13);
- (56) *И. Губерман: Я не люблю слова «патриотизм», / К. Ларина: Ну а что это? Это проявление патриотизма. Если человек хочет отдать жизнь за свою родину... / И. Губерман: Преданность. Преданность стране. Слово «патриотизм», слово «романтика» настолько испахаблены комсомольскими деятелями, что слово скомпроментировано. Должно пройти некоторое время, оно оживет снова. Оно прекрасное слово «патриотизм». Но сегодня вот просто меня лично оно режет. Это некая преданность стране... (Стенограммы пресс-конференций радио «Эхо Москвы», 21.05.2007).*

Идеологическая переориентация концептов политической и экономической сфер происходит непросто. Мена аксиологических оценок в смысловой структуре слов-идеологем часто представляется в виде оценочного размывания (Купина 1997: 138). Границы между поляризованными явлениями, сведенными в едином пространстве, нередко становятся идеологически амбивалентными. Различное отношение к идеологическим концептам проявляется не только на уровне разных социальных групп, но и в сознании отдельной личности. Столкновение прототалитарных и антиталитарных тенденций в обыденном сознании постсоветского человека придает современной эпохе драматический характер. Современная реальность по-прежнему свидетельствует о диссонансе «между официально проповедуемой ценностной системой и разнообразием частных, личностных ценностей и нравственных императивов» (Korzeniewska-Berczynska 2001: 29). Чертой современной речи является подвижность оценочного идеологического компонента (57-61):

- (57) *Может быть, секрет неудач в том, что у нас полстраны ненавидит слово «социализм», а другая половина — понятие «демократия»?* (Гудок, 23.04.2007);
- (58) *Ранний Мамлеев, написавший, кстати, предисловие к книге-альбому. А из этого — «Я ненавижу слово «мы». / Я слышу в нем мычанье стада, / Безмолвье жуткое тюрьмы / И гром во-*

енного парада» — вышли и все остальные (Московские новости, 07.09.2007, 35);

- (59) Мне со всеми интересно работать, кто не поднимает планку звездности, кто не является, не начинает: «Я, я, я...». Я не люблю слово «я». Как меня в детстве мама учила, «я» — последняя буква в алфавите. Для меня важен партнер на площадке, и все мои коллеги, они замечательные люди, я ни о ком не могу сказать никакого плохого слова, потому что у нас единая семья (ЦРПИ; Мониторинг телеэфира: Ren TV, 01.09.2007 12:30:00);
- (60) Я вообще ненавижу слово «карьера!» (Кіевській телеграфЪ (Киев), 04.05.2007, 18 (364));
- (61) Левикин не любит слово «фермер». Бизнесменом мелким тоже именоваться не хочет. Нашел для себя особое звание — белорусский крестьянин. Старается с честью его нести. Не посрамить память предков, рода своего, который с Браславициной крепко-накрепко повязан (Белорусская нива (Минск), 20.01.2007, 015-016).

5. Негативная характеристика стилистически неуместного слова

Современная речь изобилует большим количеством метаязыковых оценок, связанных с нормативно-стилистическим выбором единиц, поскольку нормативно-стилистические качества речи — это то, на что люди обращают внимание в первую очередь, то, что вызывает оценочную реакцию.

Живые стилистические процессы, происходящие в современном русском языке, связаны с двумя взаимосвязанными явлениями: процесс стилистического понижения взаимодействует с вымыванием высокого стилистического яруса. Пропорциональные стилистические отношения между разнородными языковыми стихиями в прошлом разграничивались знаменитой ломоносовской теорией «трех штилей». Система трех стилевых уровней языка способствовала постоянному созданию новых слов среднего стиля. По мнению В.В. Колесова (1998), произошел процесс смещения стилистических уровней языка. Усиление разговорности в литературном языке связано прежде всего с утратой высокого стиля, в результате которой трехстилевая система сократилась до двухмерной. Ироническое, негативное отношение к высокому стилю поднимает средний стиль до высокого. Средний стиль, включающий нейтральные языковые средства, которые составляют основу кодифицированного литературного языка, заполняется сниженной лексикой. При этом утрата высокого стиля связывается с реакцией на советский официоз, на лже-

высокий стиль тоталитарного времени, а активное пополнение литературного языка сниженной лексикой объясняется его демократизацией.

Рефлексивные высказывания отмечают сдвиги в общей стилистической структуре современного русского языка, изменение вкусового отношения к стилистическим сферам сниженной и высокой лексики. Резкие отступления от норм, нарушающие относительно подвижное равновесие, активизируют отрицательную оценочную деятельность современных носителей языка по поводу этих нарушений.

Употребление в речи образованного носителя языка сниженной лексики обязательно получает отрицательный метаязыковой комментарий:

(62) *К. Ларина: Может быть. Но сиськи они не клали себе в за пазуху и юбки не надевали // И. Петровская: **Ненавижу слово, которое ты сейчас употребила** // К. Ларина: **Сиськи?** И. Петровская: Да, в публичной речи. К.Ларина: **Сиськи есть, а слова нет?** // И. Петровская: Просто не люблю. Лучше «грудь». Я, правда, **не люблю употребление таких совсем сниженных слов** (Эхо Москвы: Человек из телевизора, 13.01.2007);*

(63) *Я не люблю слово «отвали». Это очень не хорошо. Можно сказать, идите дальше ребята (ЦРПИ; Мониторинг телеэфира: 3 канал, 11.09.2007 18:15:00).*

Стилистическим диссонансом воспринимается употребление в тексте слов высокого стиля (64-67), а также негативно оценивается стилистический контраст, возникающий в результате немотивированного соединения разностилевых слов в условиях одного контекста (68):

(64) ***Ненавижу слова «забота о братьях наших меньших»** (Смена (Санкт-Петербург), 12.02.2007, 024);*

(65) *Мы оба с ним **не любим слова «гений»**, но, думаю, с определением «великий» он согласится... со временем (НГ-Ex Libris, 14.06.2007);*

(66) *Цирк Юрия Никулина сделал подарок Курску — его артисты поучаствуют в праздновании Дня города. Также в планах благотворительные спектакли. Но сам Максим Никулин **не любит слово «благотворительность»**. «Затиражировано оно», — говорит, считая, что давать возможность посмотреть настоящий цирк тем, у кого ее нет, — его обязанность. И подарок — 2000 билетов детям — сиротам и ветеранам — не пафос. «Люди, далекие от столицы, тоже должны видеть все самое лучшее.*

Поэтому мы и здесь», — говорит Максим Никулин (Хорошие новости (Курск), 18.09.2007, 038);

(67) *Я не люблю слово «аура», просто чувствую страдания людей, особенно когда здесь прохожу (Молодой Дальневосточник (Хабаровск), 31.10.2007, 44);*

(68) *М. Ганапольский: Значит, мы вас позиционируем — употреблю такое жуткое слово — как домохозяйку (Эхо Москвы: Ищем выход, 07.03.2007).*

Таким образом, рефлексия реализуется и как способ функционирования нормативно-стилистического контроля. Отрицательное восприятие письменных и устных текстов, содержащих отступления от стилистических норм литературного языка, свидетельствует о динамике нормы в рамках синхронной системы языка.

6. Негативная оценка модного слова

Под модным словом носитель языка обычно понимает актуализированную высокочастотную единицу, обладающую яркостью формы, престижностью употребления, экспрессивностью новизны, достаточно широким и часто неопределенным значением, имеющую временный характер популярности.

Употребление модного слова может быть обусловлено обычными коммуникативными потребностями: данное слово — лучший способ для выражения определенного смысла. Частотное употребление метаязыковых высказываний по поводу модной единицы говорит, однако, о том, что модное слово выделяется из основной массы слов. При анализе интересующих нас контекстов обращает на себя внимание негативная аура, которая окружает модное слово. В нашем предыдущем исследовании (Мустайоки & Вепрева 2006) удалось выявить несколько причин пейоративной оценки данного класса единиц: новизна модной единицы говорит о семантической неусвоенности значения слова носителями языка (73), отчужденность, яркость модного слова может определяться его иноязычным происхождением (рефлексивные высказывания текущего момента отражают приоритетный характер русского слова перед иностранным) (74, 75). Массовое подражание какому-либо модному образцу часто осознается как недостаток, говорящий, желая противостоять большинству, выбирает традиционный способ номинации (69-72):

(69) *Сотрудники Института проблем регистрации информации (ИПРИ) НАН Украины взялись за решение проблемы по переносу*

- записей (не люблю модного слова «оцифровка») на современные носители (Зеркало недели (Киев), 23.02.2007, 8 (637));*
- (70) *Не люблю модное слово «тусовка», просто люблю проводить свободное время со своими друзьями, если оно есть (TUT.BY, 31.05.2007 16:01);*
- (71) *В конце концов, и вчера, и сегодня «Чёрный кот» — это не только фестиваль танца, но и тусовка... — Я не люблю слово «тусовка». Скажу так: «Кот» — это хороший повод для того, чтобы старые друзья собрались в одном месте в одно время (Совет директоров (Рязань), 19.03.2007, 012);*
- (72) *Впрочем, предваряя это событие, председатель областной Думы А.Я. Зеликов сказал, что не любит модное слово «презентация», и призвал провести теплую встречу друзей, знакомых и почитателей таланта Николая Стефановича, которых собралось немало в зале (Смена (Белгород), 28.02.2007, 16);*
- (73) *Но с другой стороны, в нашей стране, наверное, без системы квот мы женщинам широкую дорогу не откроем. У нас еще психология. Я не люблю модное слово «менталитет». Оно малопопулярное для многих людей (Эхо Москвы: Без дураков, 18.01.2007);*
- (74) *Мы не любим модное слово «спонсор». Есть такое хорошее старое русское слово «меценат». Так вот у нас есть меценаты. Это и крупные бизнесмены, и депутаты. Нам помогают не обязательно деньгами. Кто-то автобус организует для команды, кто-то ещё что-то (Вечерний Челябинск, 08.11.2007, 211);*
- (75) *Михаил Алдашин, режиссер-мультипликатор: Гэги... Гэги — я слово это модное не люблю, слово американское — «шутка». Но шутками это не назовешь, это именно гэги, да, такой цирковой, клоунадный мультипликат. Он встречался, может быть, у Диснея (ЦРПИ; Мониторинг телеэфира: Россия, 23.07.2007 20:00).*

Модное слово является ярким социальным сигналом своего времени. В языковом сознании современных носителей языка модное слово приобретает коннотативный оценочный фон. Признак семантической неясности при броскости формы превращает модную лексическую единицу в сознании говорящего в такое слово, которое может сопровождаться отрицательной оценкой.

Подведем итоги нашим наблюдениям. Отрицательная маркировка целого ряда языковых фактов (наряду с положительной, не рассмотренной нами в данной работе) говорит об амбивалентном отношении говорящего к современному состоянию языка. Стоит заметить, данная амбивалентность не противоречит отношению традиционной русской культуры к языку, находящему свое отражение в пословичном фонде: с одной стороны, *Язык мой — враг мой. Язык до добра не доведет*, с другой стороны, *Язык — стяг, дружину водит. Язык царствами ворочает* (Даль 1993: 185). Рефлексия по поводу употребленного слова рисует портрет современного говорящего. Его небеспристрастное отношение к слову интерпретирует его как заинтересованного субъекта, для которого важно, что происходит с его родным языком. Существующий конфликт между словом и человеком напрямую связан с межличностными отношениями, этическими нормами, с динамикой социальных процессов, происходящих в современной России, с сознательно-культурным началом в языке.

Литература

- Арутюнова, Н.Д.: 1988, *Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт*, Москва.
- Варбот, Ж.Ж.: 1979, 'Табу', *Русский язык: Энциклопедия*, Москва.
- Вепрева, И.Т.: 2005, *Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху*, Москва.
- Вепрева, И.Т. & Мустайоки, А.: 2006, 'Детабуизация в современном русском языке и тревожная лексика', *Язык вражды и язык согласия в социокультурном контексте современности*, Екатеринбург, 141-155.
- Виндлак, С.: 1967, 'Проблема эвфемизма на фоне теории языкового поля', *Этимология 1965*, Москва.
- Даль, В.И.: 1993, *Пословицы русского народа*, Т.2, Москва.
- Журавлев, А.П.: 1974, *Фонетическое значение*, Ленинград.
- Земская, Е.А.: 1996, 'Активные процессы современного словопроизводства', Гл. III, *Русский язык конца XX столетия (1985-1995)*, Москва, 90-141.
- Капанадзе, Л.А.: 1997, 'Развитие речевых жанров в русском языке', Гл.2, *Русский язык*, Орле, 45-60.
- Колесов, В.В.: 1998, *Русская речь. Вчера. Сегодня. Завтра*, Санкт-Петербург.
- Крысин, Л.П.: 1996, 'Эвфемизмы в современной русской речи', Гл. X, *Русский язык конца XX столетия (1985-1995)*, Москва, 384-408.
- Крысин, Л.П.: 1994, 'Эвфемистические способы выражения в современном русском языке', *Русский язык в школе*, 5, 76-82.
- Купина, Н.А.: 1997, 'Идеологическое состояние лексики русского языка', *Русское слово в языке, тексте и культурной среде*, Екатеринбург, 134-145.
- Ларин, Б.А.: 1977, 'Об эвфемизмах', *История русского языка и общее языкознание. Избранные работы*, Москва, 101-114.

- Матвеева, Т.В.: 2000, 'Нормы речевого общения как личностные права и обязанности', *Юрлингвистика-2: Русский язык в его естественном и юридическом бытии*, Барнаул, 46-55.
- Москвин, В.П.: 1999, *Эвфемизмы в лексической системе современного русского языка*, Волгоград.
- Москвин, В.П.: 2001, 'Эвфемизмы: системные связи, функции и способы образования', *Вопросы языкознания*, 3, 58-70.
- Мустайоки, А. & Вепрева, И.Т.: 2006, 'Какое оно, модное слово: к вопросу о параметрах языковой моды', *Русский язык за рубежом*, 3, 45-62.
- Петров-Стромский, В.Ф.: 2000, 'Три эстетики европейского искусства. Проблема эстетического', *Вопросы философии*, 10, 155-170.
- Прокофьева, Л.П.: 1998, 'Понятие позиции звукобуквы в аспекте звуко-цветовой ассоциативности', *Семантика языковых единиц. Доклады VI Международной конференции*, Т.2., Москва, 331-333.
- Стернин, И.А.: 2003, 'Толерантность и коммуникация', *Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности*, Екатеринбург, 331-344.
- Стернин, И.А.: 2000, *Что происходит с русским языком? Очерк изменений в русском языке конца XX века*, Туапсе.
- Чейф, У.Л.: 2001, 'Память и вербализация прошлого опыта', *Текст: аспекты изучения семантики, прагматики и поэтики*, Москва, 3-41.
- Шаховский, В.И.: 2007, 'Какими словами «оплодотворяют» людей российские СМИ?', *Русистика*, Вып.7, Киев, 29-32.
- Шейгал, Е.И.: 2000, *Семиотика политического дискурса*, Москва-Волгоград.
- Шмелев, Д.Н.: 1979, 'Эвфемизм', *Русский язык: Энциклопедия*, Москва, 402.
- Korzeniewska-Berczynska, J.: 2001, *Obraz człowieka w kontinuum publicystyki. Образ человека в континууме публицистики*, Olszyp.